

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МИХАИЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ АНТОНОВ

Юридический факультет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(Санкт-Петербургский филиал)

198099, Российская Федерация, Санкт-Петербург,

ул. Промышленная, д. 17

E-mail: mantonov@hse.ru

SPIN-код: 4586-3170

ORCID: 0000-0002-6462-2664

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

Cercel C.S. Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution. London: Routledge, 2018. 240 p.

Аннотация. Монография профессора права Ноттингемского университета К.С. Черчеля «О юриспруденции государственного коммунизма: право и неудача революции», вышедшая в 2018 г., отличается от книг и статей, написанных в первые годы после падения социалистических режимов в странах Центральной Европы, когда интеллектуалы этих стран восторженно принимали западные идеалы, кляня недавнее социалистическое прошлое и его идеологическое наследие. К.С. Черчель пытается переосмыслить историю авторитаризма в Румынии, своей родной стране, обращаясь к изучению питавшей его формально-юридической идеологии. Идеи советского правоведения кардинальным образом не отличались от дискурса о праве, характерного для эпохи модерна, — в перспективе этих идей формальная и процедурная определенность правил (режим законности) противостоит содержательной правомерности исключений из действия правил во имя некоторых «высших начал». Такие «высшие начала», обуславливающие легитимность закона, по-разному формулировались в западном и коммунистическом правовых дискурсах, но оба они, тем не менее, были основаны на этой дуалистической парадигме понимания права.

Анализ межвоенных философско-правовых идей К.С. Черчель помещает в достаточно интересную перспективу психоанализа, доказывая, что все теоретические попытки объяснения права через его соотношение с государством были своего рода психологической защитой классической юридической мысли от революционных потрясений первых десятилетий XX в., психологическим

механизмом замещения и вытеснения из сознания тех социальных фактов, которые подрывали сами основы этой мысли и демонстрировали триумф политического насилия над юридическим порядком. Анализ послевоенного правового и государственного строительства в Румынии, демонстрирует, как широкие дискреционные полномочия позволяли создавать систематические исключения из действия правил во имя народа, страны и государства, что оказалось весьма полезно для набравшего силу авторитаризму.

Ключевые слова: коммунистическая теория права, режим законности, правило и исключение, марксизм, юридический формализм, идеология

MIKHAIL V. ANTONOV

School of Law, Higher School of Economics National Research University,
Campus in Saint Petersburg
17, Promyshlennaya str., Saint Petersburg 198099, Russian Federation
E-mail: mantonov@hse.ru
ORCID: 0000-0002-6462-2664

REVIEW

Cercel, C.S. (2018). *Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution*. London: Routledge. 240 pp.

Abstract. The present essay is a review of the 2018 book by Professor Cosmin Cercel *Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution*. In reviewer's opinion, this book is a good contrast to the books and articles written in the first post-Soviet years in the Central European countries, when the intellectuals glorified the Western ideals and condemned the socialist past of their countries and the ideological legacy of the communist regimes. The focal point of the book under review is to rethink the history of authoritarianism in Romania through analyzing the formalist legal ideology that was utilized by communist regimes for their purposes. In author's opinion, the ideas of Soviet jurisprudence do not significantly differ from the bourgeois discourse about law that characterizes the modernity. In the perspective of this discourse, the formal and procedural autonomy of legal rules (the regime of legality) is opposed to the substantial exceptions from these rules which are justified with references to higher values. These latter underpin the legitimacy of the laws. There were different versions of postulation of such values in the Western and in the communist legal theories, but all these versions are equally based on the same dualist paradigm of legal thinking.

The author contextualizes this analysis of the legal philosophy of the interwar period within a broader perspective of psychoanalysis. In his opinion, all the

theoretical attempts to understand law through its connection with the state represented a kind of psychological defense of the classical jurisprudence against the revolutionary changes of the first decades of the XX century. These attempts are considered by the author as a function of psychoanalytical replacement and ousting of the historical facts from legal mentality, as far as these facts undermined the legal rationality and demonstrated the triumph of political violence over legal order. This semantic background was important for legal and political changes in the postwar Romania after 1945 — the wide discretionary powers of the regime were justified with reference to the principle of exception which allows avoidance of rules in the name of people, country or state. This theoretical construction was largely utilized by the authoritarian regime which did not invent anything new but just followed the theoretical paths protracted in the interwar legal philosophy and theory.

Keywords: Communist theory of law, regime of legality, rule and exception, Marxism, legal formalism, ideology

Профессор права Ноттингемского университета К.С. Черчель в своей монографии «О юриспруденции государственного коммунизма: право и неудача революции», вышедшей в 2018 г., рассматривает влияние политико-правовых доктрин на формирование государственного социализма и ту роль, которую в этом процессе сыграли сформулированные в марксистско-ленинской философии представления о государстве и праве. В работе представлены рассуждения о «способности права управлять, ограничивать и изменять пути революций, а также о том, как политическая субъективность может стать жертвой языка, семантической значимости и истории права» (с. 1). Автор показывает, что благодаря своей внутренней нормативной логике право успешно сопротивлялось политическим экспериментам и антиформалистской идеологии большевиков и их последователей, смогло защитить свою формальную автономию от идеологии революционной целесообразности и способствовало изменению политических практик и идеологий.

Опыт государственного коммунизма рассматривается как ценный пример силы нормативности права — той силы, которая, по мнению автора, привела к «развенчанию революции и к ее отступлению под защиту государственного аппарата и форм, выработанных в величественной и монументальной истории права» (с. 202). Это сопротивление права («логика идей») заставило социалистические режимы опереться — вопреки изначальным установкам на вытеснение права и замену его общественной моралью — на идеи юридического формализма и этатизма, которые создавали более благоприятную почву для утверждения новой институциональной среды и порядка властво-

вания, чем дискурс ортодоксального марксизма. В этом ракурсе автор формулирует интересный философско-правовой ответ на вопрос о дуализме советского права (его нормативной и прерогативной сторон), который в течение многих десятилетий обсуждался западными специалистами по советскому праву (эта дискуссия не завершена и сегодня)¹.

Причиной возврата к правовой нормативности явилась не только процедурная автономия права как регулятивного механизма, но и легитимирующие свойства семантики права, которые позволяют эффективно обосновать отношения власти и подчинения через их преемственность с прошлым и фиксацию политических идеалов (идеологий) в общезначимой и общеобязательной форме. Такие свойства правовой нормативности объясняют институциональную устойчивость права к революционным лозунгам марксизма, изначально направленным на устранение из социальной жизни нормативности, опосредующей символическое насилие, и тем самым на эмансипацию человека от условий, определяющих его отчуждение от его родовой сущности.

В качестве объекта исследования К.С. Черчель выбрал развитие коммунистической теории права (этот термин автор вслед за Г. Кельзеном наиболее часто использует в своих рассуждениях) после Октябрьской революции, а также практическое применение и соответствующие трансформации этих идей в Румынии после Второй мировой войны. Ключом к объяснению данных трансформаций для автора служит динамика интеллектуальных представлений, которые лежали в основе политических экспериментов коммунистов. Эта динамика была двоякой. С одной стороны, представления о праве менялись под влиянием политических процессов, но с другой — правовые идеи и понятия сами оказывали серьезное влияние на то, как формировались авторитарные режимы и какие конституционные формы они принимали. Влияние правовых идей на понимание государственного суверенитета и его пределов, на объяснение взаимосвязи принуждения, идеологии и ценностей в социальном регулировании можно проследить через эволюцию марксистской философии, которая претерпела значительные изменения с момента ее возникновения в XIX в., когда она была критически настроена к существующим по-

¹ См., например: *Hendley K. Varieties of Legal Dualism: Making Sense of the Role of Law in Contemporary Russia // Wisconsin International Law Journal. 2011. Vol. 29. Iss. 2. P. 233–262.*

рядкам, и до середины XX в., когда она, наоборот, встала на защиту консервативных принципов.

Рецензируемая работа отличается от книг и статей, написанных в первые годы после падения социалистических режимов в странах Центральной Европы, когда интеллектуалы этих стран восторженно принимали западные идеалы, кляня недавнее социалистическое прошлое и его идеологическое наследие. К.С. Черчель пытается переосмыслить историю авторитаризма в Румынии — своей Родине, обращаясь к изучению питавшей авторитаризм формально-юридической идеологии и ставя своей задачей «проблематизировать наше настоящее путем осмысления прошлого» (с. 1). Критикуя антикоммунистическую политику памяти центральноевропейских стран, автор предостерегает против «смещения права, политики и морали для апологии нашего настоящего» (с. 204) и решительно отвергает «аполлоническую мечту» (с. 17) противопоставления коммунизма, выступающего в качестве парадигмального примера противоправного, нелегитимного строя, и либерализма, который по умолчанию рассматривается как образец легитимного правопорядка, «светлое начало» в политической теологии.

К.С. Черчель исходит из «понимания права как обособленно-практического поля, обладающего относительной автономией» (с. 203). Такой подход поднимает вопрос о применении к коммунистическому праву логики «правила» и «исключения» К. Шмитта, которая отражает сущность права как «символической структуры, расположенной между уровнями нормативности и фактической силы» (с. 6). Следуя В. Беньямину² и Дж. Агамбену³, автор исходит из свойственного для понимания права в эпоху модерна конфликта между текстом и социальными силами, который обуславливает внутреннюю противоправность (*inner lawlessness*) законности (противопоставляемой праву) в западной правовой традиции (с. 7). В этом ракурсе, как считает К.С. Черчель, идеи советского правоведения кардинально не отличались от дискурса о праве, характерного для эпохи модерна, — в перспективе этих идей формальная и процедурная определенность правил

² См.: Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze. Frankfurt am Main, 1965. S. 29–66. Сокращенный перевод на русский язык см.: Беньямин В. К критике насилия / Пер. с нем. И.М. Чубарова // Культиватор. 2011. № 1. С. 114–126.

³ См.: Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова. М., 2011; *он же*. Номо Сасер. Чрезвычайное положение / Пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. М., 2011.

(режим законности) противостоит содержательной правомерности исключений из действия правил во имя «высших начал». Эти высшие начала, обуславливающие легитимность закона, по-разному формулировались в западном и коммунистическом правовых дискурсах, но оба они, тем не менее, были основаны на этой дуалистической парадигме понимания права.

В качестве основного методологического инструмента К.С. Черчель использует психоаналитическое исследование коллективной памяти в духе философии Ж. Лакана для понимания того, как «право артикулируется в систему символов и в символическую практику» (с. 8).

Монография состоит из семи глав, в которых автор, двигаясь от абстрактного к конкретному, пытается установить варианты взаимосвязи между философскими дискурсами марксизма-ленинизма о праве, идеологическими постулатами коммунистических режимов, с одной стороны, и фактическими практиками правотворчества и правоприменения — с другой.

В первой главе К.С. Черчель рассматривает «межвоенный конституционный этос» (с. 38), уделяя особое внимание идеям Г. Кельзена и К. Шмитта, противопоставляя их методологическое обоснование нормативности и децизионизма. Кельзеновскую попытку обосновать единство государства и права К.С. Черчель интерпретирует как запрет легитимации государственной власти за пределами норм, что ведет к требованию безусловного ограничения государственной деятельности правовыми рамками. Напротив, политическая теология К. Шмитта предполагала отрицание правовых ограничений государственной власти, поскольку эта власть есть суверенная инстанция, утверждающая себя вне каких-либо правовых рамок.

Данные межвоенные философско-правовые идеи автор помещает в достаточно интересную перспективу психоанализа, доказывая, что все эти теоретические попытки объяснения права через его соотношение с государством были своего рода психологической защитой классической юридической мысли от революционных потрясений первых десятилетий XX в., психологическим механизмом замещения и вытеснения тех исторических фактов, которые подрывали сами основы этой мысли и демонстрировали триумф политического насилия над юридическим порядком (с. 44). Эти новые теоретические построения, пишет К.С. Черчель, «были частью очень конкретной, обремененной последствиями дискурсивной ситуации, в которой оказалось право, преодолевшее установленные пределы юридической мысли и, что еще более интересно, преодолевшее культурные пределы того, что мы до нас-

тоящего времени небесспорно обозначаем термином “Западная Европа”» (с. 42).

Такую же теоретическую перспективу автор находит в идеях К. Маркса, которые рассматриваются во второй главе. В работе обращается особое внимание на истоки Марксова понимания права. Эти истоки анализируются через призму его статей в «Рейнской газете» (1842 г.) с критикой законодательства рейнского ландтага о воровстве леса, где К. Маркс встает на защиту естественно-правовых представлений о праве всех пользоваться дарами природы для выживания против законодательного искажения этих представлений имущими классами со ссылками на категорию собственности. К.С. Черчель прослеживает те же самые базовые посылки (справедливость как исторически изменчивая, но краеугольная для социальной философии категория, конкретные правовые формы которой обусловлены классовой борьбой и экономическим базисом) в критике К. Марксом гегелевского описания государства как воплощенного этического и рационального порядка, а затем в его рассуждениях об отчуждении человека от своей родовой сущности и о путях эмансипации человека, возврате человеку его свободы.

На данных примерах К.С. Черчель пытается показать, что для К. Маркса, как и для многих его современников, было важно развенчать претензии права на автономию, разрушить «юридическое мировоззрение», которое воспринимает права и обязанности вне их связи с конкретным социально-экономическим и политическим соотношением сил. В философии К. Маркса акцентируется дуализм двух аспектов права: с одной стороны, право понималось К. Марксом как реальное явление, определяемое экономической структурой и движением материальных сил общества, с другой — оно суть идеологическое искажение существующих фактических отношений. Это противоречие, по мнению К.С. Черчеля, «оказалось краеугольным для последующих теоретических ошибок и злоупотреблений законностью в коммунистическом контексте» (с. 67).

В третьей главе рассматривается комплекс представлений о праве, который сложился в Советской России после Октябрьской революции 1917 г. Интерпретация советскими правоведами рассуждений К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата в «Манифесте коммунистической партии»⁴ обнаруживала двоякое понимание революционного

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 419–459.

права — и как инструмента разрушения старого порядка, и как формы легитимации, институционализации нового строя (с. 74). Такая теоретическая перспектива отчасти объясняет парадокс Октябрьской революции, которая началась с мечты об уничтожении государства (создании условий для его «выветривания») и других механизмов классового господства, но привела в сталинский период к одной из наиболее жесточайших форм государственного насилия в истории.

К.С. Черчель справедливо подмечает, что философско-правовые построения европейских мыслителей того времени «вращаются вокруг одного особого юридического вопроса о соотношении между чисто нормативным элементом права и том насилии, которое поддерживает или уничтожает этот элемент» (с. 95–96). В идеях В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и Е.Б. Пашуканиса К.С. Черчель находит ту же самую антинормативную направленность, которая характерна для представления К. Шмитта о внеправовой власти суверена и критики В. Беньямином правового насилия, и то же самое противоречие, что было свойственно марксистскому пониманию права. В качестве примера смысловой близости правовых идей той эпохи приводится дискуссия К. Каутского и Л.Д. Троцкого о правиле (принципы права) и исключении из правила (революционная целесообразность), которая через несколько лет была актуализирована в иных терминах в споре между Г. Кельзенем и К. Шмиттом. Поразительное сходство К.С. Черчель обнаруживает между описанием государства как фактически неограниченной суверенной власти, деятельность которой основана на принципе целесообразности, в «Политической теологии» К. Шмитта⁵ и «Общей теории права и марксизме» Е.Б. Пашуканиса⁶.

«Государство и революция» В.И. Ленина⁷ — еще один пример теоретического мышления, где ярко проступает противоречие между идеологическим содержанием понятий «государство» и «право», и их использованием для осмысления условий и пределов диктатуры пролетариата. Это противоречие выражается, в частности, в понимании В.И. Лениным пролетарского государства и революционного права

⁵ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. с нем. Ю. Коринца // Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. с нем. Ю. Коринца, А. Филиппова. М., 2000. С. 7–98.

⁶ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 32–181.

⁷ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М., 1969. С. 1–120.

как институтов, призванных уничтожить самих себя при окончательном торжестве социализма, но без которых невозможно добиться этого торжества. К.С. Черчель удачно подмечает причину этой загадочной диалектики в марксистско-ленинской философии: «Юридические понятия не только передают особое мировоззрение, но и несут в себе семантическую нагрузку, которую трудно выразить в радикально новом контексте диктатуры, не изменяя при этом изначальные намерения и цели диктатуры» (с. 88).

В четвертой главе К.С. Черчель обращается к правовой теории, развитой А.Я. Вышинским и его сторонниками в годы сталинского режима. Эта теория означала решительный отказ от революционной идеологии разрушения правовой формы. Свойственный для теории А.Я. Вышинского формалистский стиль правового мышления смещал акцент с рассмотрения права как эпифеномена экономических отношений и идеологической надстройки над этими отношениями к пониманию права как формализованного механизма управления обществом. В рамках такого формалистского мышления предполагалось, что право имеет свою автономную нормативную сферу, независимую от идеологии, экономики и иных социальных явлений, и благодаря этому может служить инструментом для построения нового общественного строя. Государство рассматривалось Сталиным и другими апологетами новой теории как универсальная сила; оно сосредоточивает в своих руках всю мощь класса-победителя (пролетариата) и призвано, после полного достижения целей революции, уничтожить себя самого через свое максимальное усиление. Этот теоретический ход позволял преодолеть характерное для марксистской философии и коммунистической идеологии первых послереволюционных лет противоречие между утверждением о классовом характере права и государства и потребностью в правовом регулировании в социалистическом обществе, в котором классовая борьба предполагалась завершенной.

К.С. Черчель подробно разбирает философские основания сталинской идеи относительно того, что после победы над классовыми врагами право уже не должно выражать классовый интерес и представлять собой ту или иную идеологию; социалистическое право предполагалось способным напрямую отражать реалии нового социалистического общества. Тем самым марксистско-ленинская теория права возвращалась к дореволюционной позитивистской теории права и создавала методологическую опору для характерной для сталинизма апологии государства (с. 119). К.С. Черчель метафорически ха-

рактирует советское право после такого возврата к юридическому формализму как «живого мертвеца»: в правовой форме возвращается то, что должно было умереть, и согласно ортодоксальной марксистско-ленинской идеологии умерло в годы революции — право в смысле государственно-организованного принуждения.

Рассматривая сталинские чистки и террор конца 1930-х гг., К.С. Черчель приходит к выводу, что эти процессы отражали «теоретическую суть права» (с. 110). Здесь он очевидно смешивает две разные «суть» права — нормативную и идеологическую. Применительно к социалистическому праву вполне можно говорить о том, что его идеологической сущностью было разделение на своих и врагов (победивший класс и враждебные ему классы), предполагавшее преследование и уничтожение последних. Соответствовали ли эти практики нормативным формулировкам 1930-х гг., в которых отчетливо проступал принцип равенства перед законом? Как представляется, К.С. Черчель напрасно ищет основу массового террора в специфике формально-юридических представлений, которые могли использоваться для легитимации террора.

Неаккуратное использование слов автором создает впечатление, что возвращение советской юриспруденции к дореволюционному формализму для него имеет некую необходимую связь с внеправовыми расправами сталинского режима с «врагами народа» (с. 114). Метафора «живого мертвеца» развивается в дальнейшем сравнением с обрядом погребения, нарушение которого вызывает мертвеца в этот мир (с. 119–120). К.С. Черчель полагает, что поскольку позитивистские представления о праве и государстве не были надлежаще «похоронены» в марксистско-ленинской теории права в послереволюционные годы, они явились в 1930-х гг. как призраки, мстящие своим «теоретическим убийцам» (вроде Е.Б. Пашуканиса). Но эти метафоры кажутся недостаточными для доказательства принципиальной несовместимости нормативного (формалистского) понимания права с марксистско-ленинским учением о революции и диктатуре пролетариата, с одной стороны, и для предположения о смысловой связи между юридическим формализмом и легитимацией государственного принуждения — с другой.

В этой связи вызывает сомнение уверенность К.С. Черчеля в том, что «разрыв с формализмом, который до настоящего времени влияет на наше понимание права, является необходимой предпосылкой для аутентичного изучения прошлого» (с. 204). Приводимые автором примеры внеправовых сталинских репрессий и послевоенного

государственного строительства в Румынии основывались не только на юридическом формализме — как правило, они опирались на иные идеологические и теоретические представления. В качестве примера таких представлений можно упомянуть классовую теорию права П.И. Стучки или теорию пролетарского права Д.И. Курского, которые имели антиформалистскую направленность. К.С. Черчель не упоминает и психолого-правовые представления М.А. Рейснера и других разработчиков теории революционного правосознания, которая также носила ярко выраженный антинормативный характер. Эти представления о классовом праве и правосознании гораздо лучше подходили для апологии внеправовых расправ, чем юридический формализм. Но данный аспект развития советской теории права автор, к сожалению, оставил без комментариев.

Изложенные в первых четырех главах рассуждения подготовили почву для анализа того сложного комплекса интеллектуальных представлений, которые были вызваны перенесением коммунистического дискурса в политическую и правовую жизнь стран Центральной Европы после Второй мировой войны. Эти представления, с одной стороны, содержали в себе антагонистические начала (призыв к преодолению права в новых социальных формациях и призыв к соблюдению права для упрочения завоеваний революции; противостояние революции и реакции в смысле идеологического отторжения старого строя и его фактического продолжения, и проч.) и, с другой — сочетались с взглядами на нормативность права, развитыми в центральноевропейских странах в первой половине XX в. в ином контексте, чем тот сложный и противоречивый дискурс о праве, который мог быть заимствован из советского правоведения. Все это объясняет, по мнению К.С. Черчеля, метаморфозы послевоенного преобразования в центральноевропейских странах и различие избранных ими путей построения социализма.

Скрытое противоречие между коммунистическим дискурсом о праве и юридическими воззрениями, сформировавшимися в довоенный период, изучается применительно к Румынии в последующих (с пятой по седьмую) главах рецензируемой книги. К.С. Черчель помещает развитие правового мышления в контекст довоенного усиления авторитаризма и национализма, что было присуще Румынии, Венгрии и многим другим центрально- и восточноевропейским странам. Он полагает, что характерный для послевоенной Румынии синтез коммунистической идеологии и формалистской правовой теории был не столько результатом установления советской гегемонии, сколь-

ко продолжением довоенного развития идей, в рамках которых в качестве необходимого атрибута прав и обязанностей зачастую мыслилось используемое по усмотрению властных субъектов исключение для обеспечения социальной солидарности. Это развитие идей отражало такие исключительные методы властвования, как введение военного или чрезвычайного положения, что было обычным явлением в довоенной Румынии, либо военную диктатуру, установленную в 1940 г. маршалом И. Антонеску. Поэтому переход этого региона под гегемонию сталинского СССР в послевоенные годы лишь продолжил уже сложившуюся там тенденцию интеллектуально-правового развития: центрально-европейская «история рецепции юридических идей имела свои истоки в довоенные годы, хотя к ним потом добавились теоретико-правовые и идеологические конструкции, свойственные сталинизму» (с. 124).

В пятой главе монографии автор показывает, что базовые юридические представления в Румынии в межвоенный период основывались на идеологии национального единства и солидарности; утверждение этих идей часто подразумевало имплицитное введение в правовое регулирование исключений по национальному, политическому или иным признакам. Правовая терминология постепенно наполнилась такими расплывчатыми понятиями, как «меры безопасности», «защита общества», «социальный порядок» и проч., которые предоставляли органам власти широкую дискрецию в определении прав и обязанностей субъектов. Такой семантический фон послужил основой для послевоенного правового и государственного строительства в Румынии, где широкие дискреционные полномочия позволяли создавать систематические исключения из действия правил во имя народа, страны и государства, что оказалось весьма полезным для набравшего силу авторитаризма.

В шестой и седьмой главах работы К.С. Черчель обращается непосредственно к послевоенному политическому и правовому развитию Румынии. Шестая глава посвящена тем трансформациям, которые произошли в первые годы советской власти в Румынии. Рассматривая политико-правовую аргументацию в послевоенных судебных процессах против врагов нового режима (прежде всего в процессе против И. Антонеску и его соратников) и сравнивая эту аргументацию с обоснованием предпринятых в те годы конституционных преобразований и реформ в сфере уголовного права, автор приходит к выводу о своеобразии понимания символической роли права и принципа законности. Румынское прочтение принципа со-

циалистической законности, по его мнению, отличалось от тех позитивистских формулировок, которые этот принцип получил в советской юриспруденции. Законность в Румынии понималась как символический предел для государственного принуждения, а само право предстало как «государственная правда», которая потенциально обосновывала любое принуждение со ссылкой на логику исторического развития национального государства, в том числе и за пределами закона, что создавало основу для теоретического противопоставления законности и правомерности в контексте дихотомии правила и исключения. В этом смысле К.С. Черчель утверждает, что коммунистическое правительство в первые годы своего владения использовало символические практики, основой которых был «язык права, усиленный связью с прошлым» (с. 166). Это означало «сохранение законов с их символическим содержанием, хотя бы эти законы и применялись в согласии с гибкой идеологией, подконтрольной партии» (с. 172).

В седьмой главе автор исследует постепенное «выветривание» советской правовой идеологии из социалистической Румынии. В годы правления Н. Чаушеску акцент все чаще делался на утверждение румынской национальной идентичности через правовые нормы, что, в частности, проявилось в ходе проведенной в 1965 г. конституционной реформы. Особое внимание в этой главе уделяется проблематике социализации собственности, что было центральным элементом господствующей идеологии. После национализации средств производства они стали государственной собственностью и использовались под контролем административного аппарата государства, хоть формально и были провозглашены народным достоянием. С этим обстоятельством автор связывает значение права для легитимирующих идеологических дискурсов того времени, в рамках которых праву приписывалась нормирующая функция, а само право при этом понималось исключительно как право государства.

Идеология столь резко расходилась с реальностью, что на практике не могла быть для нее руководящим началом, тогда как правовые нормы позволяли сделать социальную действительность управляемой и контролируемой, сохраняя при этом процедурную и символическую автономию права и не требуя особых идеологических усилий для убеждения населения в необходимости повиновения ему. Такой синтез правовых норм с идеологией национальной идентичности означал фактическое стирание границ между политическим и юридическим, облегчил становление авторитарного режима в Румынии и обеспечил

его легитимную связь с прошлым, сдерживая и ограничивая идеологическое и политическое влияние СССР.

К.С. Черчель завершает свою работу описанием обстоятельств краха режима Чаушеску, находя в них следы борьбы идей, приведших режим к внутренним противоречиям и тем самым к утрате легитимности как в формально-юридическом, так и в идеологическом аспектах.

В рецензируемой работе представлено осмысление теоретического правового наследия Румынии периода государственного социализма. Читатель также найдет много интересных идей и интригующих сопоставлений применительно к анализу философских оснований коммунистической теории права. В этом отношении монография является значительным вкладом в изучение истории развития представлений о праве и государстве, сформировавшихся в XX в. в Восточной Европе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агамбен Дж. Номо Сакер. Суверенная власть и голая жизнь / Пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова. М.: Издательство «Европа», 2011.

Агамбен Дж. Номо Сакер. Чрезвычайное положение / Пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. М.: Издательство «Европа», 2011.

Беньямин В. К критике насилия / Пер. с нем. И.М. Чубарова // Культиватор. 2011. № 1. С. 114–126.

Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 1–120.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.

Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 32–181.

Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. с нем. Ю. Коринца // Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. с нем. Ю. Коринца, А. Филиппова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. С. 7–98.

Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 1965.

Cercel C.S. Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution. London: Routledge, 2018. DOI: 10.4324/9781315544113

Hendley K. Varieties of Legal Dualism: Making Sense of the Role of Law in Contemporary Russia // Wisconsin International Law Journal. 2011. Vol. 29. Iss. 2. P. 233–262.

REFERENCES

Agamben, G. (1995). *Il potere sovrano e la nuda vita. Homo Sacer*. Torino: Giulio Einaudi editore. (in It.). [Russ. ed.: Agamben, G. (2011). *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Translated from Italian by I. Levina, O. Dubitskaya, P. Sokolov, M. Velizhev and S. Kozlov. Moscow: Evropa Publ.].

Agamben, G. (2003). *State di eccezione. Homo Sacer*. Torino: Bollati Borighieri. (in It.). [Russ. ed.: Agamben, G. (2011). *Homo Sacer. Chrezvychainoe polozhenie* [Homo Sacer. State of Exception]. Translated from Italian by M. Velizhev, I. Levina, O. Dubitskaya and P. Sokolov. Moscow: Evropa Publ.].

Benjamin, W. (1965). *Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. (in Germ.). [Russ. ed.: Benjamin, W. (2011). *K kritike nasiliya* [Toward the Critique of Violence]. Translated from German by I.M. Chubarov. *Kul'tivator* [Cultivator], (1), pp. 114–126].

Cercel, C.S. (2018). *Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315544113

Hendley, K. (2011). Varieties of Legal Dualism: Making Sense of the Role of Law in Contemporary Russia. *Wisconsin International Law Journal*, 29(2), pp. 233–262.

Lenin, V.I. (1969). Gosudarstvo i revolyutsiya [State and Revolution]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works]. 5th ed. Volume 33. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 1–120. (in Russ.).

Marx, K. and Engels, F. (1848). *Manifest der Kommunistischen Partei*. London: Gedruckt in der Office der “Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter” von J.E. Burghard. (in Germ.). [Russ. ed.: Marx, K. and Engels, F. (1955). *Manifest kommunisticheskoi partii* [Manifesto of the Communist Party]. In: Marx, K. and Engels, F. *Sochineniya* [Collected Works]. 2nd ed. Volume 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 419–459].

Pashukanis, E.B. (1980). Obshchaya teoriya prava i marksizm [Toward a General Theory of Law and Marxism]. In: Pashukanis, E.B. *Izbrannye proizvedeniya po obshchei teorii prava i gosudarstva* [Selected Writings on the General Theory of Law and State]. Moscow: Nauka, pp. 32–181. (in Russ.).

Schmitt, C. (1922). *Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*. München: Duncker und Humblot. (in Germ.). [Russ. ed.: Schmitt, C. (2000). *Politicheskaya teologiya*. Chetyre glavy k ucheniyu o suverenitete [Political Theology. Four Chapters on the Concept of Sovereignty]. In: Schmitt, C. *Politicheskaya teologiya. Sbornik*. [Political Theology. Collected Papers]. Translated from German by Yu. Korinets and A. Filippov. Moscow: “Kanon-press-Ts”, pp. 7–98].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Антонов Михаил Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).

AUTHOR'S INFO:

Mikhail V. Antonov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, School of Law, Higher School of Economics National Research University, Campus in Saint Petersburg.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Антонов М.В. Рецензия на монографию: Cercel C.S. Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution. London: Routledge, 2018. 240 p. // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 199–214.

FOR CITATION:

Antonov, M.V. (2018). Review: Cercel, C.S. (2018). Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution. London: Routledge. 240 pp. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(1), pp. 199–214.